

Свидѣтельство продолжателя хроники Регинона о крещеніи св. княгини Ольги.

Высказанному нами недавно сужденію о времени и мѣстѣ крещенія св. княгини Ольги посчастливилось встрѣтить серьезную и въ общемъ благожелательную критику. Я имѣю въ виду только что напечатанную въ послѣднемъ номерѣ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій“ статью профессора И. П. Козловскаго, вышедшую также и отдѣльными оттисками, подъ заглавіемъ „Новая попытка рѣшенія вопросовъ о мѣстѣ и времени крещенія княгини Ольги“. Сочувственно относясь къ нашей работѣ, профессоръ Козловскій признаетъ научную новизну и цѣнность за слѣдующими нашими соображеніями:

„1) что Ольга въ первую поѣздку (957 г.) въ Константинополь была язычницею и таковою же оттуда уѣхала:

2) что неудача Ольги заключается въ отказѣ императора по поводу нѣкоторыхъ деталей вопроса о ея крещеніи (предложеніе породниться или что-нибудь въ этомъ родѣ);

3) что неудача Адальберта (латинскаго миссіонера на Руси) произошла вслѣдствіе новаго сближенія Византійскаго императора съ Ольгой“.

„Что-же касается главныхъ вопросовъ“,—продолжаетъ почтенный профессоръ,—„поставленныхъ авторомъ—о времени и мѣстѣ крещенія Ольги, г. Пархоменко не даетъ удовлетворительнаго рѣшенія“.

Въ цѣляхъ уясненія истины мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько отвѣтныхъ возраженій нашему серьезному и вмѣстѣ благожелательному критику. Онъ прежде всего подрываетъ научное значеніе и цѣнность положеннаго въ

основу нашей гипотезы сообщенія продолжателя хроники аббата Регинона о времени и мѣстѣ крещенія св. Ольги.

По мнѣнію нашего уважаемаго критика, названный „нѣмецкій лѣтописецъ, несомнѣнно, путается въ своихъ извѣстіяхъ и потому его текстъ нельзя класть въ основаніе какихъ-либо выводовъ“. Главная ошибка этого лѣтописца, по мнѣнію профессора Козловскаго, состоитъ въ томъ, что онъ называетъ Ольгу христіанскимъ именемъ Елены въ своемъ извѣстіи *подъ 959 г.* и тутъ-же сообщаетъ о ея крещеніи, между тѣмъ какъ при этомъ добавляетъ, что она крестилась при Византійскомъ императорѣ Романѣ II, воцарившемся лишь въ ноябрѣ 959 г.

Таково главное возраженіе намъ. Оно однако не такъ ужъ непреодолимо. Я позволю себѣ назвать нѣсколько весьма солидныхъ въ наукѣ именъ, чтобы укрѣпить цѣнность [показаній продолжателя Регинона и обезопасить его отъ нападокъ: такъ, напримѣръ, академикъ В. Т. Васильевскій, признавая полную достовѣрность извѣстій данной хроники, полагаетъ, что авторомъ ея былъ „либо самъ Адальбертъ (ходившій при Ольгѣ на Русь), либо близкій къ нему и знающій человекъ“ (см. его ст. „Ж. М. Н. Пр.“ 1888 г., іюль, стр. 128); профессоръ Ф. Я. Фортинскій, имѣя въ виду разбираемое именно свидѣтельство хроники, свидѣтельствуется: „Разсказъ продолжателя Регинона носитъ на себѣ всѣ признаки исторической достовѣрности“ (см. его ст. въ „Чтен. въ Истор. Общ. Нестора Лѣтоп.“ кн. 2, стр. 119 и вообще 118—121); проф. А. Д. Вороновъ относительно того-же удостовѣряетъ: „Что касается историческаго значенія этого свидѣтельства, то оно выдерживаетъ всѣ требованія самой строгой критики“, „разсказъ внушаетъ къ себѣ полное довѣріе“ (см. въ I кн. „Чт. въ Ист. Общ. Нестора Лѣт.“ стр. 4—5 и слѣд.)... Но довольно выписокъ. Очевидно, довѣриться показанію продолжателя аббата Регинона можно. Но говоритъ-ли онъ о христіанскомъ состояніи Ольги въ 959 г. или даже до 959 г.? Отнюдь нѣтъ. О нашей княгинѣ Ольгѣ, совсѣмъ неизвѣстной на Западѣ, авторъ хроники упоминаетъ *лишь разъ и мимоходомъ*, вовсе не задаваясь цѣлью точно обозначить годъ ея крещенія и моментъ превращенія ея изъ Ольги въ Елену. Называетъ ее Еленой *подъ 959 г.* когда она, очевидно, была еще Ольгой, просто потому, что Еленой

уже засталъ ее въ 961—962 г.г. на Руси Адальбертъ,—вѣроятный авторъ хроники или лицо къ нему близкое,—и зналъ ее съ этимъ именно именемъ, почему, конечно, оно и попало въ хронику.

О времени-же и мѣстѣ крещенія Ольги упоминаетъ авторъ хроники *во вводномъ предложеніи* подъ тѣмъ-же 959 г. потому, что подъ этимъ годомъ ему было кстати упомянуть о данномъ событіи, ибо въ другомъ мѣстѣ *нигдѣ* уже о нашей Ольгѣ—Еленѣ въ хроникѣ ничего не говорится. Вся исторія посольства Ольги и поѣздки Адальберта записана была, конечно, по возвращеніи послѣдняго отъ Руси на Западъ, и ни откуда не видно, будто „продолжателю аббата Регинона въ 959 г. было извѣстно, что Ольга уже крещена“. Итакъ, мы, принимая установленную въ наукѣ несомнѣнную достовѣрность показаній хроники продолжателя Регинона, довѣряемъ его прямому показанію, что Ольга „при Константинопольскомъ императорѣ Романѣ крещена въ Константинополь“, профессоръ-же Козловскій изъ того, что хронистъ назвалъ Ольгу въ своемъ извѣстіи, записанномъ подъ 959 г., христіанскимъ именемъ Елены и при этомъ подъ даннымъ годомъ мимоходомъ упомянулъ объ обстоятельствахъ крещенія Ольги, довѣряетъ не самому извѣстію, а этимъ случайнымъ совпаденіямъ у автора, котораго къ тому-же онъ обвиняетъ въ сбивчивости, и потому онъ утверждаетъ, будто данная хроника представляетъ несомнѣнное свидѣтельство того, что Ольга въ 959 г. была уже христіанкой. У нашего почтеннаго оппонента одновременно получается, что авторъ хроники не зналъ точно ни времени крещенія Ольги, ни времени царствованія Византійскаго императора Романа II, и въ то же время чрезвычайно точно и съ несомнѣннымъ знаніемъ обстоятельствъ дѣла упоминаетъ о крещеніи Ольги подъ опредѣленнымъ годомъ и съ опредѣленнымъ смысломъ и называетъ ее подъ 959 г. Еленой, а не Ольгой. Думается, если продолжателю Регинона можно довѣрять, то въ его общемъ сообщеніи о крещеніи Ольги въ Константинополь при Романѣ II, но отнюдь нельзя строить никакихъ предположеній, придираясь къ такимъ мелочамъ,—почему это онъ назвалъ Ольгу подъ 959 г. уже Еленой и т. п.

Далѣе нашъ почтенный оппонентъ полагаетъ, что хро-

ника продолжателя Регинона, рассказывая о посольствѣ Ольги на Западъ за іерархіей, вовсе не подразумеваетъ тутъ ея желанія отъ этой іерархіи креститься. Но здѣсь авторъ возраженія нѣсколько противорѣчитъ самъ себѣ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ соглашается съ нами, что „неудача Адальберта произошла вслѣдствіе новаго сближенія Византійскаго императора съ Ольгой“. Если Ольга, крестившись раньше, искала на Западѣ *только іерархіи*, т. е. прежде всего епископа, то, сблизившись вновь съ Византіей, она-бы удалила отъ себя западнаго епископа лишь въ томъ случаѣ, если бы *взятіемъ его получила епископа изъ Византіи*. Но можно съ несомнѣнностью утверждать, что никакого епископа изъ Византіи она *взятіемъ Адальберта* не получала. Зачѣмъ же ей нужно было снова сближаться съ Византіей, чего она тамъ искала? Конечно, ей нужно было креститься въ Византіи или отъ Византіи при извѣстныхъ условіяхъ, очевидно, того-же она раньше хотѣла и отъ Адальберта. А если бы дѣло шло лишь объ іерархіи, то, конечно, ей лучше было-бы имѣть у себя западнаго епископа, чѣмъ въ союзѣ съ Византіей оставаться безъ епископа.

Стараясь всячески подорвать значеніе показаній хроники продолжателя Регинона, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не отказываясь отъ попытокъ своеобразно истолковать его свидѣтельство, профессоръ Козловскій въ одномъ мѣстѣ проговорился, почему онъ не принимаетъ яснаго свидѣтельства этой хроники о томъ, что Ольга „при Константинопольскомъ императорѣ Романѣ (т. е. послѣ ноября 959 г. и до начала 963 г.) крещена въ Константинополѣ“. Именно онъ пишетъ: „Есть уже много данныхъ предполагать, что Владиміръ Св. крестился *дома*, а не въ Корсунѣ. Будемъ *надѣяться, что и относительно Ольги обнаружится то же самое*“. Итакъ въ угоду извѣстной тенденціи (вдохновлявшей раньше и академика Е. Е. Голубинскаго) профессоръ Козловскій отрицаетъ ясное свидѣтельство надежнаго источника—хроники продолжателя Регинона—о мѣстѣ и времени крещенія Ольги, между тѣмъ какъ о крещеніи ея именно въ Константинополѣ къ тому-же согласно говорятъ и всѣ другіе древніе источники. Доказать крещеніе Ольги въ Кіевѣ нашъ почтенный оппонентъ не имѣетъ ровно никакихъ данныхъ—тѣмъ болѣе, что, вопреки мнѣнію Голубинскаго, онъ „всея

душой“ поддерживаетъ наше мнѣніе „о томъ, что нельзя, опираясь на Игоревъ договоръ съ греками, дѣлать широкихъ предположеній о распространеніи христіанства въ Кіевѣ въ ту пору“. Не имѣя у себя никакой почвы для утвержденія мнѣнія своего о крещеніи Ольги на Руси, почтенный профессоръ готовъ довѣриться одной русской краткой лѣтописи XV вѣка о крещеніи Ольги въ Корсунь...

Но, какъ справедливо полагаетъ академикъ А. А. Шахматовъ, приведшій это лѣтописное извѣстіе, какъ своего рода курьезъ, въ своей работѣ „Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ“ (Сиб., 1908 г., см. стр. 113), „смѣшеніе Ольги съ Владиміромъ здѣсь очевидно“—именно какъ отзвукъ извѣстной Корсунской легенды о крещеніи Владиміра Святого.

Таковы главные возраженія профессора Н. П. Козловскаго по поводу нашей гипотезы. Смѣемъ думать, что они не поколебали ея въ существѣ. Кромѣ того въ критическихъ замѣчаніяхъ нашего оппонента есть рядъ мелкихъ возраженій. Приведемъ одно изъ нихъ. Профессоръ Козловскій никакъ не можетъ согласиться съ нашимъ мнѣніемъ, что Ольга въ 957 г. пробыла въ Константинополѣ 2—3 мѣсяца, находя этотъ срокъ очень большимъ. Но развѣ нашъ оппонентъ забылъ, что первый пріемъ Ольги у императора былъ 9 сентября, а второй уже 18 октября. Вотъ уже получается почти полтора мѣсяца, а если повѣрить нашей лѣтописи, что Ольга долго еще дожидалась пріема „въ Суду“—близъ Царьграда, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что, уѣхавъ отсюда въ концѣ октября, она прибыла сюда въ іюль вмѣстѣ съ торговымъ караваномъ Руси.

Владиміръ Пархоменко.

